

СВЕТЛАНА ПЕШКОВА

НЕ СПАСЁННАЯ

* * *

Я помню череду бесцветных дней,
где я пыталась стать тебе родней,
где ты искал своё предназначенье.
И, вглядываясь в облик городской,
я каждый день знакомилась с тоской —
с полуденной, с обеденной, с вечерней.

Я помню непогоду и шторма,
облепленные наледью дома,
замёрзших кораблей седые глыбы,
суровых жён, безрадостных мужей,
рассказы про тюленей и моржей
и мерзкий вездесущий запах рыбы.

Я помню март, оскомину вина,
твои попытки сделаться родным,
нависших туч пугающие комья,
дорогу, покалеченную льдом,
ночной вокзал... А как жила потом —
в тепле и безмятежности — не помню.

ПЕШКОВА Светлана Николаевна — автор двух книг стихотворений. Стихотворения издавались в журналах и поэтических сборниках. Лауреат литературных конкурсов "45-й калибр", "Русский Гофман", "Славянская лира", "Поэзия русского слова", "Славянские традиции" и др. Награждена медалью имени Е. Замятина за успехи на литературной и культурной ниве. Член Союза писателей России. Живёт в Липецке.

ЗВЕРЬЁ МОЁ

Приходила кошечка из подвала,
кушала кашу, молоко лакала,
взамен подарила своё “мур-мур” —
песенку для влюблённых дур.

Прибегала собачка ничейная,
съела халву и пачку печенья,
просила ещё, лизнула щёку мне,
на прощанье зубами щёлкнула.

Прилетала птичка — голубь сизый,
склевал запасы пшена и риса,
ворковал, глазел на меня пугливо,
оставил помёт и перо с отливом.

Заглядывала мышка, юркая, ловкая,
слопала сыр в мышеловке,
на меня жалостливо взглянула
и пропищала: “Не жди его, дура”.

А я жду.
Сижу — потерянная, нелюдимая,
в голове — перо голубиное
и песенка “мур-мур”.
Жду тебя кошечкой —
рыженькой Джулианной Мур.
Жду тебя мышкой,
ненужной и никудышной.
Прислушиваюсь к шагам.
Приходи, и тебе чего-нибудь дам.
Жду тебя птичкой.
Испуганно, истерично
заглядываю в замочную скважину.
Жду собачкой
на половичке у двери.
А внутри меня —
звери.

НЕ СПАСЁННАЯ

Забытой и однажды не спасённой,
Я телом прикипела к чернозёму
И намертво сроднилась с ним зимой.
Когда весна не станет тридцать третьей,
А станет вечной, дайте посмотреть ей,
Как холод надругался надо мной.

Я вижу день, но в нём меня не будет —
Лизнёт мою ладонь соседский пудель,
Рассыплет мать-и-мачеха пыльцу,
Крапивный лист погладит шею остро.
Меня не опознают брат и сёстры,
И только муж узнает по кольцу.

Отпета буду птицей перелётной,
Она тропарь пасхальный пропоёт мне —
Живым не нужно мёртвых похорон.

Когда меня в последний раз забудут,
На тёплый холм у солнечной запруды
Слетятся мотыльки со всех сторон.

РЮКЗАК

Я живу и жду телеграмму: “Встречай. Лечу”.
Это значит, что ты побудешь со мной чуть-чуть,
это значит, что ты, устав от пустынь и гор,
отдохнёшь и снова уедешь на целый год.
Все дороги ведут не вдаль, а назад — домой.
Ты всегда возвращался — новый, чужой, родной.
Не спешил проходить, стоял у входной двери,
отдавал рюкзак, говорил: “Всё тебе, бери”.

Я брала рюкзак, доставала морской песок,
разрежённый воздух с чужих ледяных высот,
лепестки в конверте с пометками: “эдельвейс,
тамариск, вербена...”, билет на вчерашний рейс,
скарабея, губку, засохшую стрекозу,
невесомый камень, потрескавшийся сосуд.
Я вдыхала воздух, дурманящий и сырой,
и ждала, что скажешь: “Послушай, езжай со мной”.

Я хватала время и прятала по углам,
но оно дышало и тикало тут и там.
Удержать тебя, привязать, усмирить — никак.
Ты сегодня снова ушёл. И забрал рюкзак.

ПИСЬМО БРАТУ

Привет, Иван! У нас всё хорошо.
Вчера похолодало, снег пошёл,
с утра телёнка в сени запустили.

Отец не пьёт, из дома ни ногой,
всё ждёт тебя. Да, ты ж у нас какой,
родней семьи — то джунгли, то пустыни.

Ты снился мне: обрыв, тропинка вниз,
бежишь по ней, кричу тебе: “Вернись!”
и падаю в траву, теряя силы.

Вдруг лес зашевелился, стал живым,
а ты ему командуешь: “Бежим!” —
и вздрогнули берёзы и осины,

послушно побежали за тобой,
попарно, в одиночку и гурьбой,
но замерли внезапно у границы —

в их кронах загорелся стыд и страх,
и плакали в беспомощных руках
привыкшие к родному месту птицы.

Потом я вынимала из золы
обугленные мёртвые стволы
и красила зелёным, чтоб не броско.

Приснится же такое, ну, дела!
...Твоя Полина снова запила,
вчера весь день стояла у киоска.

Я снова без копейки — третий год.
Весной поеду в город, на завод,
сбегу из-под родительской опеки.

Ещё про сон... я стала хоронить
стволы... чудно, конечно... но они
давали тут же новые побеги.

НА ГРАНИ

Зачем я каждый день встаю в такую рань,
Когда мой слабый сон реальностью не болен.
В пластмассовом горшке бутонно спит герань,
Прозрачный глаз окна глядит в пустое поле.
Лежит на потолке окукленная тьма,
Не зная, что она крылата и невечна.
Скрипит и стонет дом, но комната нема
С тех пор, как детский страх её очеловечил.

Зачем я рушу сон? Чтоб видеть сон другой,
В котором я смешной, уродливый, неловкий,
Хочу себя вернуть и, выгнувшись дугой,
Пытаюсь снять узор чужой татуировки.
Сползает с потолка испуганная тьма —
Крадётся под кровать, ощупывает стены.
Рассвет шагнул в окно, чтоб бабочку поймать,
Потом обнять меня и полоснуть по венам.

* * *

Я дом ишу, в котором нет дверей, полов и стен,
Где стол накрыт, желтеет свет, и гости ждут гостей;
Где сад черешневый — ничей, где в сочных лопухах
Охалка солнечных лучей забыта впопыхах;
Где в хвойном сердце древних кущ — жилище мотыльков,
Где тонкорукий цепкий плющ достал до облаков,
Где млеет липа, а над ней стоит медвяный чад,
И в полдень призраки теней скучают и молчат;
Где нет ни судей, ни судеб, где мысли на виду...
Там будет всем вино и хлеб.
И я туда иду.